

В К л и н у, у Чайковского

БЫВАЛ я на родине Петра Ильича в бывшем Воткинске, хаживал обрывистым берегом Камы, спускался у излучины реки к самой кромке воды. Снизу сосны, казалось, царапали своими верхушками облака. По ту сторону реки металась между стогами зарницы, но пойма была велика, и гром едва доносился с низины, словно кто-то робко касался клавиши рояля на «до» нижнего регистра.

Там жил он мальчиком. Поклонившись земле, что дала жизнь русскому музыкальному гению, тянешься все же туда, где в зрелости создавал он свои творения. Спешешь к местам, которые достались ему не по наследству, которые облюбовал сам и которые полнее скажут о нем. Место это — Клин.

Не считал, сколько в городе бюстов и портретов Чайковского. Не знаю, сколько сувениров с его изображением продают ежедневно в местных киосках. Видел знак скрипичного ключа на дверцах клинских такси.

Последний раз я был в Доме-музее композитора в июле. Теперь осень, но все еще в памяти та встреча. Лето переломилось, пора буйного цветения отошла, но старая липа посреди двора, словно оплывшая воском свеча, желтела лепестками соцветий. Исправно трудились пчелы. Время от времени, перегруженные, они снимались с места и летели к липовой аллее.

Стволы располагались не близко, но кроны сдвинулись, кое-где переплелись, и сплошная полоса тени сулила прохладу в полуденный зной.

— А сюда нельзя, — раздалось за спиной. — Любуйтесь вот кустами сирени. Их посадили народные артисты Нежданова и Собинов. Или пройдите к цветнику...

Цветник у Концертного зала полихал маками. И над всем

тихая парила музыка. Играли адажио из третьего действия «Озера лебедей» — так оно называлось в рукописи. Я еще не знал, что на другом конце города, в Майданове, пусть в миниатюре, увижу это самое озеро.

Милая женщина-экскурсовод, как же огорчена была она, когда один из посетителей, измерив взгладом рояль Чайковского, молвил:

— В нашем клубе инструмент побольше.

К небольшому этому роялю два раза в год — в начале мая и ноября съезжаются люди, чтобы послушать Чайковского в исполнении лауреатов Международного конкурса его имени. И словно при жизни композитора волшебные звуки плывут над притихшим парком, улетают ввысь, падают с высокого берега к реке Сестре и эхом отзываются в Майданове, селе, некогда отдаленном, а теперь слившемся с Клином. Там почти сто лет назад рождались «Иоланта», «Чародейка», «Пиковая дама»...

В Майданово я попал к вечеру. Долго бродил по парку, окунаясь то в белизну березняка, то в непроглядь ельника. Дома, в котором жил Петр Ильич Чайковский, теперь нет. Но сохранился, хотя и не полностью, парк. Нет, надо так сказать: сохранили парк ценою жизни в годы войны соотечественники великого композитора — младший сержант Добронравов, ефрейтор Степанов, младшие лейтенанты Розин и Шагалов, подполковник Александров, чьи могилы — у входа, и многие другие, известные и неизвестные, живые и мертвые, сражавшиеся тогда на этой земле.

Так вот: сохранили парк и фигурные пруды. И на одном из них, недалеко от входа, живут лебеди, то ли прабабки, то ли правнучки Одиллии.

О. НИКОЛАЕВ.

Московская область.

12 0 13 10 1980

СОВЕТСКИЙ ГОСКИНО
г. МОСКВА